

С журналистами судятся из-за денег

Свобода слова в Кыргызстане не освобождает от ответственности журналистов за свое авторство. Они все чаще привлекаются к судебной ответственности. Однако, в нынешней ситуации далеко не все знают «правила» работы в СМИ и работу со СМИ. На вопросы ИАЦ «Кабар» отвечает юрист Института медиа-представителя Илим Карыпбеков.

– Согласно вашим данным, в прошлом году вы участвовали в 42 делах по защите журналистов и СМИ от различных исков. Это много или мало? И, в основном, что это за иски?

– В 2004 году Институт медиа-представителя только-только начинал работать, и о нас еще плохо знали. Было где-то около 30 дел. А в прошлом году мы защищали журналистов уже по 42 делам. Где-то 70% исков было по защите чести, достоинства и деловой репутации или взыскания компенсации морального вреда в гражданском порядке, остальные – по клевете и оскорблению по уголовному кодексу. Надо отметить, что в последнее время участились случаи подачи исков на СМИ или журналиста, особенно в регионах. Народ вдруг понял, оказывается – с газет можно деньги взыскать. И к месту и не к месту стали подавать в суд. Невооруженным взглядом видно, что никакой негативной информации о человеке, подавшем иск, в материале журналиста нет, и все это понимают. И зачастую эти лица даже в своих исковых заявлениях, требуя компенсацию за «моральный ущерб» забывают об опровержении. А ведь человек, который в действительности считает себя оскорбленным, первым делом требует опровержения. Для него главное не деньги, а опровержение неправильной о нем информации.

– Охватывает ли Институт медиа-представителя все дела связанные со СМИ?

– Еще не все журналисты к нам обращаются. Мы узнаем об этом в судах, со СМИ. На самом деле подается очень много жалоб на действия журналистов и СМИ. Но они проходят не через нас. Причин этому несколько. Некоторые журналисты просто нас не знают, а некоторые, оказываются, нам не доверяют. Недавно я услышал от одного журналиста, что, якобы мы все дела проигрываем. Я должен сказать, что из всех 42-х дел, в которых мы участвовали в прошлом году, 35 мы выиграли.

Но все-таки основная цель Института медиа-представителя – развитие правовой культуры журналистов, развитие медиаторства, института саморегулирования конфликтов, которые возникают в сфере СМИ. Мы пропагандируем идею, что все эти конфликты можно урегулировать мирным путем, до суда. Я думаю, что когда все стороны поймут, т.е. журналист или СМИ, и потребители информации, подающие в суд на журналистов, что такой судебный процесс, как долго он может длиться, и сколько нервов он требует, тогда у нас будет уменьшение жалоб и исков в судах против СМИ или журналистов.

– А сколько дел вам удалось урегулировать таким вот мирным образом?

– Знаете, это оказалось самой сложной задачей из всех тех задач, которые ставит перед собой ИМП. Уговорить обе стороны разрешить конфликт мирным путем, оказалось, очень сложно. У потребителя информации сегодня сложился такой стереотип, что он обязательно должен наказать журналиста. Он не задумывается о последствиях, о том, какая это волокита и каким будет конечный итог. Здесь главную роль играют эмоции. В прошлом году только 6-7 дел мы смогли разрешить до суда.

– В ИМП работают всего четыре юриста. Вы успеваете?

– До сих пор у нас не было нареканий в том, что мы не успеваем всем помочь. Конечно, сейчас все больше журналистов узнают о нас, и если эта тенденция сохранится и дальше, то в ближайшем времени мы должны будем искать другие формы организации своей

работы. Сегодня мы сильно загружены, но успеваем помогать всем, кто к нам обращается.

– А если судебное дело рассматривается в далеком регионе, скажем в Баткенской области?

– Ехать в регионы и участвовать во всех судебных заседаниях почти невозможно. Ведь процесс только в первой судебной инстанции может длиться около года, и на каждый процесс ездить будет очень накладно. В этом случае, когда дело рассматривается в первой судебной инстанции, мы консультируем, контролируем ход процесса, пишем здесь все ходатайства, заявление, встречные иски, возражения и отправляем по адресам, а в Верховном Суде рассмотрение дела мы берем на себя.

– А на каком языке ведутся дела в регионе? Ведь что греха таить, как бы не расширяли сферу применения госязыка, она все-таки еще ограничена?

– Из всех дел, в которых мы участвовали, доля исков в отношении кыргызоязычной прессы составляет около 60%. Надо отметить, что до недавнего времени существовала такая практика: судья рассматривал дело на том языке, на каком было подано исковое заявление, хотя, быть может, статья, на которую было подано заявление, была на кыргызском языке. Эта практика сложилась исторически. Ведь, обычно многие дела рассматриваются на русском языке, поэтому и истцы чаще пишут заявление на русском языке. Это был какой-то нонсенс. Статья на кыргызском языке, а процесс идет на русском и обсуждают, защищают кыргызские словосочетания на русском языке. Эту практику нам удалось изменить в 2005 году. Мы до Верховного Суда дошли, спорили по этому поводу и Верховный Суд, в частности, его председатель К. Осмонов, нас поддержал. Почему мы спорили? Потому что в законодательстве этот вопрос не был отрегулирован. Судьи, обычно, поступали так, как сказано в законе: на каком языке подано исковое заявление, на том и рассматривали дело. Но Курманбек Эргешович нас поддержал, сказал, что раз статья на кыргызском языке, то и процесс

должен быть на кыргызском языке. После этого уже пошла практика ведения процесса на том языке, на каком была опубликована статья.

Надо отметить, что все таки проблема защиты кыргызоязычной прессы более остра, чем русскоязычной. Почему? Это, прежде всего, связано с отсутствием хороших толковых словарей кыргызского языка. Хуже того, у нас нет филологов-экспертов кыргызского языка, которые могли бы провести тщательную лингвистическую экспертизу статьи, проанализировать текст, какую негативную или положительную окраску несут слова. У нас есть эксперты русского языка, к которым мы можем обратиться с просьбой проанализировать текст статьи, если на ее автора подают в суд. Они делают более или менее хороший анализ. Хотя мы должны признать, что у нас в республике нет хорошего эксперта-филолога.

– Но ведь профессоров, филологов, ученых вроде бы достаточно в республике...

– Ученые есть. Они могут сказать, откуда корень этого слова, третье, десятое, но этого не достаточно. Специфика дел по защите чести, достоинства и деловой репутации в том, что необходимо определить еще, как негативно может отразиться рассматриваемое слово на чьей-либо репутации, да и где этот негатив, т.е. тонкостей очень много. Маленькая статья должна быть очень хорошо проанализирована. В России есть гильдия филологов, которая специализируется на этом. У нас этого, к сожалению, нет. Наши же эксперты предоставляют свой анализ на одном листочке, где слова проанализированы на основе словаря Юдахина или других толковых словарей, просто выпишут и говорят, вот, пожалуйста. Но этого же мало. Надо читать конкретное слово, предложение, словосочетание в конкретной связи с текстом и человеком о ком идет вообще речь. Это очень сложно. Представьте себе, если это сложно на русском языке, то каково же положение дел на кыргызском, когда нормальных толковых словарей на этом языке нет. Найти такого эксперта на кыргызском языке почти невозможно. И получается, что в суде

одно и то же слово все понимают по-разному, судья по-своему, обиженный по-своему, я, как защитник, по-своему.

Вторая проблема связана с самими журналистами. Во-первых, с правовой грамотностью журналистов большая проблема. Сколько не обучай их, журналисты вообще не знают законов, даже не знакомы с их содержанием. Эта первая проблема журналистов. Вторая связана с тем, что кыргызязычные журналисты мало внимания уделяют достоверности фактов в своих материалах. Из всех дел по кыргызоязычной прессе 90-95% материалов – заказные. Когда я спрашиваю у журналиста, откуда он взял этот или тот факт, почему так сказал, он честно признается, что этот материал писал не он сам, ему дали готовый текст, он же просто его обработал. Это страшно. Ведь каждый журналист должен уметь доказать достоверность приводимых им фактов, проводить свое журналистское расследование.

И третья проблема, не менее важная – у нас в Кыргызской Республике судей, которые хорошо бы разбирались в законодательстве о СМИ, по делам защиты чести, достоинства и деловой репутации, по клевете, и не только разбирались, но и действительно понимали саму суть этой проблемы – очень мало. Это в основном те судьи, которые часто разбирают дела по скандальным газетам, в отношении которых часто подаются иски, скажем «МСН», «Агым», «Вечерний Бишкек» и т.д. Они, как бы, уже набили руку. А что касается других судей, в частности, в регионах, говорить об этом страшно. Они просто-напросто не понимают специфику Закона о СМИ, защиты чести, достоинства и деловой репутации. Это специфические, особенные дела, потому что здесь предмет спора является конкретное слово, словосочетание, предложение. И здесь судьи не то, что не знают, вообще не понимают о чем идет речь. Стопроцентно дела этих судей приходят в Верховный Суд, а там сидят, слава богу, более компетентные люди, и эти дела чаще всего отправляются обратно.

– Это не означает, что надо готовить специально судей по делам СМИ?

– Конечно, было бы хорошо, если бы судьи специализировались, но это сложно и нереально. Надо просто наших судей, особенно региональных, учить и учить. Надо учить вместе с ними и журналистов. Из-за того, что неграмотны в правовом отношении эти две стороны, и возникают эти конфликты и недопонимания: претензии со стороны журналистов, что судьи принимают неправильные решения, а судьям кажется, что журналисты – это такие люди, которые о чем бы ни писали, все задевает чью-то честь, достоинство и деловую репутацию.

– Говорят, что и сами журналисты после всех судебных перипетий уже начинают задумываться, а стоит ли им дальше заниматься журналистикой.

– Беда наша в том, что даже в университетах идет подготовка студентов очень слабо в отношении их правовой грамотности. Когда журналист на практике сталкивается с судебным делом, то только здесь он зачастую узнает, какие у него есть права, обязанности, как он должен был писать. Они часто говорят, что они не шли бы в эту профессию, видя, насколько она опасна. Я выскажу свое личное мнение, что профессия журналиста – это самая опасная профессия в мире. Потому что за любую информацию, которая, казалось, является самой безобидной, можно привлечь журналиста к ответственности. Все нормы, регулирующие сферу журналистики, является нормами оценочными, т.е. они зависят от оценки окружающих, в частности, судьи. Нет какой-то конкретной нормы или слова. Скажем, если ты написал это слово, тебя привлекут к ответственности, а если нет – не привлекут. Право же оценивать дается самому потребителю информации и судье.

– В этом отношении насколько совершенно существующее республиканское законодательство о СМИ?

– Этот закон был принят в 1992 году. И с тех пор только один раз в 1993 году в него было внесено изменение и дополнение. По моему личному мнению, этот закон уже не отвечает современным реалиям. Но почему об этом мало говорят те же самые журналисты

или СМИ? А потому, что этот закон как бы не улучшает их деятельность, но и не мешает им. А ведь в нашем законодательстве нет даже четкого определения того, кто может называться журналистом. Хотя бы только из-за этого надо вносить изменения в закон о СМИ. Но как только начинаешь говорить об этом, журналисты настораживаются: «Я за журналистов или нет?». Мы не должны быть такими инертными. Ведь в любой стране, которая развивается, должно развиваться и ее законодательство.

Справка: Институт медиа-представителя (ИМП) является совместным проектом «Интерньюс-Кыргызстан», ОБСЕ и ЮСАИД. Он создан в целях развития и реформирования медиа законодательства и защиты прав журналистов и СМИ; оказания юридической помощи в решении конфликтов, возникших в сфере медиа и укрепления демократии в целом в Кыргызской Республике.

Медиа Представитель: Шамарал Майчиев (shamaral@media.kg)

Юристы Института Медиа Представителя: Лариса Хабарова (larisa@media.kg),

Илим Карыпбеков (ilim@media.kg), Акмат Алагушев (akmat@media.kg)

Беседовал М. Токоев, ИАЦ «Кабар»